

Семен Бриллиант

**И. А. Крылов. Его жизнь и
литературная деятельность**

Семен Моисеевич Бриллиант
И. А. Крылов. Его жизнь и
литературная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7681641

Аннотация

«Крылов не любил вспоминать о своей молодости и детстве. Мудрый старик сознавал, что только в баснях своих переживет он самого себя, своих сверстников и внуков. Он, в самом деле, как бы родился в сорок лет. В периоде полной своей славы он уже пережил своих сверстников, и не от кого было узнавать подробностей его юного возраста. Крылов не интересовался тем, что о нем пишут и говорят, оставлял без внимания присылаемый ему для просмотра собственные его биографии – русские и французские. На одной из них он написал карандашом: «Прочел. Ни поправлять, ни выправлять, ни время, ни охоты нет». Неохотно отвечал он и на устные расспросы. А нас интересуют, конечно, малейшие подробности его жизни и детства. Последнее интересно еще тем более, что Крылов весь, как по рождению и воспитанию, так и по складу ума и характера, принадлежит прошлому веку. Двадцать пять лет уже истекает с того дня, как вся Россия праздновала столетний юбилей дня рождения славного баснописца. Он родился 2-го февраля 1768 года в Москве. Знаменитый впоследствии анекдотической ленью, Крылов начал свой жизненный путь среди странствий, трудов и опасностей. Он родился в то время, когда отец его, бедный армейский офицер, стоял со своим драгунским полком в Москве. Но поднялась пугачевщина, и Андрей Прохорович двинулся со своим полком на Урал. Ревностный воин, – отец Крылова с необыкновенной энергией отстаивал от Пугачева Яицкий городок...»

Содержание

Глава I	4
Глава II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Семен Бриллиант И. А. Крылов. Его жизнь и литературная деятельность

Глава I Детство и юность

Равнодушие Крылова к его биографам. – Крылов – представитель прошлого века. – Рождение его. – Отец. – Пугачевщина. – Наследственные черты характера. – Находчивость и хладнокровие. – Опасность в детстве. – Лагерная жизнь. – Тверь. – Служба отца. – Воспитание того времени. – Учение Крылова. – Смерть отца. – Мать. – Юноша-чиновник. – Дом Львова. – Развлечения. – Крепостной быт. – Век Екатерины. – Журналы. – 14-ти-летний автор «Кофейницы». – Переезд в столицу. – Отставка. – Казенная палата.

Крылов не любил вспоминать о своей молодости и детстве. Мудрый старик сознавал, что только в баснях своих переживет он самого себя, своих сверстников и внуков. Он, в самом деле, как бы родился в сорок лет. В периоде полной своей славы он уже пережил своих сверстников, и не от кого было узнавать подробностей его юного возраста. Крылов не интересовался тем, что о нем пишут и говорят, оставлял без внимания присылаемый ему для просмотра собственные его биографии – русские и французские. На одной из них он написал карандашом: «Прочел. Ни поправлять, ни выправлять, ни время, ни охоты нет». Неохотно отвечал он и на устные расспросы. А нас интересуют, конечно, малейшие подробности его жизни и детства. Последнее интересно еще тем более, что Крылов весь, как по рождению и воспитанию, так и по складу ума и характера, принадлежит прошлому веку. Двадцать пять лет уже истекает с того дня, как вся Россия праздновала столетний юбилей дня рождения славного баснописца. Он родился 2-го февраля 1768 года в Москве. Знаменитый впоследствии анекдотической ленью, Крылов начал свой жизненный путь среди странствий, трудов и опасностей. Он родился в то время, когда отец его, бедный армейский офицер, стоял со своим драгунским полком в Москве. Но поднялась пугачевщина, и Андрей Прохорович двинулся со своим полком на Урал. Ревностный воин, – отец Крылова с необыкновенной энергией отстаивал от Пугачева Яицкий городок.

«К счастью», говорит Пушкин в своей «Истории Пугачевского бунта»: «в крепости находился капитан Крылов, человек решительный и благоразумный. Он в первую минуту беспорядка принял начальство над гарнизоном и сделал нужные распоряжения». Наш баснописец наследовал от отца эти качества и нередко проявлял в оригинальной форме как осторожность и благоразумие, так и находчивость или решительность.

Хладнокровие и решительность были, вероятно, причиной успехов его и в карточной игре, которой со страстью предавался он одно время. Теми же качествами, хотя и не в той оригинальной форме, обладал отец Крылова, а это в борьбе с таким врагом, как Пугачев, было гораздо важнее, чем безрассудная слепая отвага, в которой и у последнего не было недостатка. В самом деле, оборона капитана Крылова привела в такую ярость Пугачева, что он «скрежетал» зубами после неудачного приступа и грозил повесить не только Симонова и Крылова, но и все семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге. «Таким образом», говорит Пушкин, «обречен был смерти и четырехлетний ребенок, впоследствии славный Крылов». Но Пушкин ошибался в возрасте Крылова: ему шел уже в то время седьмой год.

Ужасы того времени должны были оставить неизгладимый след в умном и наблюдательном ребенке. Во всяком случае походная жизнь, семейная обстановка бедного армейского офицера и тесное соприкосновение с военным бытом, с его тревогами, откровенными нравами и сценами то трагического, то комического характера, имели несомненное влияние на образование характера Крылова. Быть может не покидавшая его во всю жизнь страсть к пожарам, благодаря которой ленивый и равнодушный Крылов подымался с постели и делался проворным и торопливым, была именно плодом впечатлений того периода детства. Но что еще важнее, впечатления этого времени имели влияние на его позднейшее отношение к народу, к его бурной силе и порывам.

Конечно, тревожное детство не было хорошей подготовкой к правильному образованию и воспитанию. Правда, вслед за окончанием бунта отец Крылова вышел в отставку и поселился в Твери, где получил место председателя губернского магистрата. Но условия жизни даже губернского города были не таковы, чтобы поправить дело. Ни постоянных пансионов, ни городских школ в то время еще не знали. Народные училища стали возникать только с 1786 года. Современник Крылова, известный поэт и баснописец Дмитриев, сын родового помещика, не жалевшего средств для его образования, обучался однако арифметике у гарнизонного солдата, сержанта Копцева, от которого слышал одни только «непонятные слова»: искомое, делимое и т. д.

Все же, наряду с «обязанностями чинов», Дмитриев в пансионе знакомился с историей и писал письма «по темам». Маленький Крылов лишен был даже такого скудного образования. Учителей русского языка тогда не было, как не было их и позже, даже в начале царствования Александра; взамен того учили французскому языку и мифологии. Не было учителей и для Закона Божия. Сельские священники, происходя из дьячков, знали только по навыку одну церковную службу, а о катехизисе не имели понятия. Между тем любознательность в обществе росла. Родители Крылова воспитаны были в то время, когда даже самое слово «воспитание» понимали совсем в ином смысле. «Могу сказать», говорила одна барыня, «мы у нашего батюшки хорошо воспитаны: «одного меду невпроед было». Правда, если не было еще воспитания и правильного учения, то был уже Ломоносов, пример которого действовал, возбуждительно на многих, а начало царствования Екатерины II создало обширную литературу, переводную и оригинальную. К счастью отец и мать Крылова понимали и ценили образование. Отец его оставил после себя целый сундук книг, что в то время было большой редкостью и роскошью, особенно при походной жизни бедного армейского офицера.

Председателем губернского магистрата в Твери отец Крылова был недолго, и через три года умер, оставив семью – нашего Крылова, одиннадцатилетнего отрока, с матерью и младшим братом Львом – без всяких средств. Пока отец был жив, он помогал матери в воспитании сына и учил его, чему мог, по крайней мере, русской грамоте. Теперь мать могла лишь давать наставления детям в правилах религии, насколько позволяло ей время, уходившее на хозяйство и хлопоты о пропитании семьи. Кроме того, юноша учился французскому языку у гувернера-француза в доме помещика Львова, вместе с его детьми. Благодаря почетному положению отца Крылова в городе, ему не трудно было подучить от Львова дозволение сыну приходить на уроки его детей. Это было в то время в общем обыкновении, но часто влияло дурно на характер детей, так как гувернеры не забывали указывать ученикам, на разницу их положения и воспитывали часто спесивость в одних, зависть и лесть в других. Может быть, поэтому Крылов учился неохотно. Мать лаской и разными средствами старалась, однако поощрять его. Крылов сам впоследствии, изменив раз своей обычной сдержанности и молчанию, простодушно ответил г-же Карлгоф на вопрос о том, отличался ли он чем-нибудь в детстве: «я, матушка, был дитя, как и все: играл, резвился, учился не отлично, иногда меня и секали». Но так ли это? Не отличаясь ничем от сверстников, при обстановке – мало удобной

для образования и развитая, едва ли мог явиться 14-летний юноша уже автором литературного произведения слабого, но не лишённого интереса и таланта.

* * *

Девяти лет Крылов записан был – конечно, только формально – подканцеляристом в Калязинском магистрате.

Со смертью отца перечислили его с тем же чином в Тверской магистрат на действительную службу.

Одиннадцати лет становится он опорой семьи. Положение безотрадное, но Крылову, можно сказать, было счастье. Заключалось оно в том, что родители его были честные люди. Протянуть всю жизнь военную лямку, потом занять место председателя магистрата и хотя бы в три года службы ничего не оставить семье, для человека способного, каким был отец Крылова, значило в то время быть честным человеком.

В прошении о пенсии па имя государыни вдова писала, что муж оставил ее в нищете, так как, «не имея вотчин», содержал семью одним жалованием. Но вдовьи слезы не дошли до императрицы. Да и наивна была ее просьба. Жалованье в то время гражданским чином давалось ничтожное, взамен того им предоставлялось «кормиться». «Кормление» заключалось в «благодарности» и взятках. С этим явлением мирилась сама Екатерина, и строгие указы против взяток не тревожили сна Частобраловых и Кривосудовых.

Взамен денег отец Крылова оставил сыну неслыханное в то время при его состоянии наследство – сундук с книгами. Тут были, конечно, и «Свет зримый в лицах», и «Древняя Вивлиофика» Новикова, и его же «Деяния Петра Великого» «с дополнениями» – настольный книги того века и начала нынешнего, а рядом с этим, несомненно, были Жиль-Блаз, Шехеразада, Телемак и быть может Дон-Кихот. Вместе с книгами наследовал Крылов от отца и охоту к чтению. Причиной того, что Крылов неохотно учился, были, конечно, и случайность, отрывочность его скудного учения, и недостаток наглядности, которой требовал его живой, наблюдательный ум. Но охота, можно сказать даже страсть к чтению осталась у него на всю жизнь. Впоследствии, уже славный баснописец, Крылов во время дежурства на службе в Публичной Библиотеке не скучал, подобно своим сослуживцам. В то время как Гнедич во время дежурства нервно ходил по двору и приходившим знакомым молча указывал лишь пальцем на орденский крест на груди, поясняя этим свое нервное состояние, Крылов, взобравшись с ногами на диван, запоем читал глупейшие романы. Подобные романы читал тогда Крылов конечно не из интереса к их содержанию, и часто только при развязке восклицал: «Ахти, да кажется я эту книгу уж читал», и действительно случалось, что читал он ее лишь за несколько дней до того. Конечно, это машинальное чтение необходимо было для того, чтобы удалить на время те образы, что наполняли наблюдательный ум баснописца. «Надобно дать отдых уму», говаривал он сам. Как бы то ни было, эту страсть к чтению отличался он уже в отрочестве. Наряду с этим работал по-своему и его наблюдательный ум, рано обнаруживая в нем врожденную склонность к карикатуре и сатире. В образованном доме Львова он не мог не познакомиться тогда уже с Лафонтеном и французской сатирой и карикатурой, хотя конечно очень поверхностно, а сатирические журналы Екатерининского века изошрили его наблюдательность и направили ее на современные типы. В этих журналах, раз попали они в его руки, он немедленно должен был узнать черты окружающего быта – так обыденны были типы журнальной сатиры. В то время было принято писать лица с натуры, «с подлинников», как это называли; этим приемом восполнялся недостаток художественного таланта и достигалась обличительная цель. Лица были замаскированы, но так, что их не трудно было узнать. В Твери, как в губернском городе, проживали временно неслужащие дворяне, здесь спускали они оброки на неприветливые развлечения и модные наряды.

Крепостной быт со всем его произволом, диким невежеством, грубыми нравами и суеверием ярко блистал и в городе. По простаковски разделялись дворяне со своими челядинцами. В магистрате устраивались кляузные дела и вымогательства. Крылов, как доказывает его опера «Кофейница»; рано стал относиться к жизни более или менее сознательно. Ему помогли в этом раннее физическое и умственное развитие и сама судьба, поставившая его еще мальчиком в положение кормильца семьи.

Маленький чиновник знал многое, чего другому и не снится еще в его возрасте. Он любил, кроме того, толкаться среди простого народа. Его привлекали зрелища – пожары, кулачные бои; любил он также по целым часам просиживать где-нибудь у портомоев, слушающая рассказы простых и крепостных людей. Здесь вероятно почерпнул он из какого-нибудь рассказа и сюжет своей «Кофейницы».

Быть может более, чем думал он сам, был прав тот тверской обыватель, который говорил: «Знаменитый баснописец принадлежит особенно нашей Твери». Здесь он воспитался и провел первые годы юности своей, здесь он начал свое гражданское служение». Прав, если смотреть на Тверь, как на миниатюру России прошлого века. Но особенно радоваться тверскому обывателю здесь нечему. Характер Крылова и многое в его произведениях и во взглядах говорит о потере этого именно возраста для правильного его образования и развития. В тогдашней Твери было много такого, чего Крылову, может быть, не привелось видеть потом, в зрелом возрасте и что воплотилось в его баснях в образах не совсем чистых животных; в этом смысле тоже прав товарищ его детства.

Сатира века Екатерины осмеивала в особенности нелепые подражания иностранцам: моды, манеры и употребление некстати иностранных слов – все, что совершенно не ладило со строем русского, да еще крепостного быта и в чем многие думали видеть плоды просвещения. Крылову, с его чисто русским умом, насмешливым и метким в остроумной карикатуре, эта война пришлась особенно по душе; впоследствии он даже дошел до чрезмерной крайности в неприязни ко всему иноземному, что красной нитью проходит через все его произведения. Юноша попробовал силы в комедии, подражая в этом отношении самой императрице. Плодом такой пробы пера и явилась комическая опера «Кофейница». Здесь Крылов наметил в карикатуре то, к чему потом вернулся в журнальной сатире и, наконец, в басне, изобразив «ворону в павлиньих перьях». В духе сатиры того времени юноша назвал свою героиню «Новомодова», уже обличая этим наиболее комичную сторону ее характера. Вот образец ее рассуждений:

Кофейница. (Гадает, глядя на гуцу). «Как ваше имя, сударыня?»

Новомодова. «Да разве ты не можешь угадать это на кофе? Да на что ж тебе его и знать? Не по имени ли и по отчеству хочешь ты меня звать?»

Кофейница. «Конечно, сударыня».

Новомодова. «О мадам! Пожалуйста, не делайте этого дурачества, для того что это пахнет русским обычаем и ужасно как не хорошо. Я никогда во Франции не слыхала, чтоб там друг дружку авали по имени и отчеству, а всегда зовут мамзель или мадам, а это только наши русские дураки делают, и это безмерно как дурно».

Поклонница Франции и французского языка, она, однако в совершенстве спрягает глагол «драться» и склоняет «палки».

Опера слаба, но она не слабее опер того времени, принадлежавших более опытным писателям; по крайней мере в ней нет балласта, есть юмор и местами недурные стихи, хотя есть и такие, как «драться я не умею» и т. д. При всех ее недостатках, в ней чувствуется та «свежесть создания, которая всегда отличает ранние, с любовью отделанные произведения пробуждающихся сильных дарований» (Майков).

В то время как юный чиновник и сатирик пробовал свои еще не окрепшие *львиные когти*, мать его решила отправиться с семьей в Петербург и там искать протекции для сына по службе или хлопотать о пенсии. В самый год появления «Недоросля», в 1782 году, Крылов с матерью и братом очутились в этой новой столице, в том городе, который уже тогда современники называли «прекрасным».

Крылов получил месячный отпуск. Срок этот скоро истек, но Твери уже не суждено было увидеть своего блудного сына. Только в следующем году тверской магистрат хватился пропавшего подканцеляриста «Крылова» и послал в Петербург требование: «Крылова, яко проживающего засроком, сыскав прислать за присмотром».

Отец Крылова оставил военную службу вероятно вследствие личных неудовольствий, так как при переходе на статскую службу не был награжден даже повышением чина. За него просил сам Потемкин, но ему отвечали, что Крылов уже уволен и награждение его зависит от сената, куда военная комиссия постановила «сообщить». Что случилось с этим сообщением, неизвестно. Быть может, если бы Крылов-отец дожил до старости, его привезли бы с *фельдъегерем* в Петербург и наградили за старую службу, как это сделал император Павел с одним бедовым майором, состарившимся в своей глухой деревеньке.

Не знаем, нужно ли жалеть, что капитан Крылов не дожил до запоздавшего награждения, когда к нему, как и к майору, вполне была бы приложима басня «Белка», написанная позднее его сыном. Белка при отставке получила воз орехов:

«Орехи славные, каких не видел свет;
Все на подбор орех к ореху – чудо,
Одно лишь только худо:
Давно зубов у белки нет».

Однако матери Крылова по-видимому удалось отыскать покровителя, если не в лице самого Потемкина, то кого-нибудь из прежних начальников или сослуживцев мужа, и вслед за грозным приказом о розыске Крылова последовал приказ тверского и новгородского генерал-губернатора графа Брюса, коим подканцелярист Крылов, согласно прошению его, за слабостью здоровья, на основании указа о вольности дворянства – «поелику он из штаб-офицерских детей» – уволен от должности, с награждением *за беспорочную службу* чином канцеляриста. Вслед за тем Крылов поступает на службу в Казенную Палату, с жалованьем 25 рублей в год, и остается навсегда в Петербурге.

Глава II

Первые шаги на литературном поприще

Старый Петербург. – Увлечение Крылова сценой. – Дмитревский в «Семире». – Театр в Эрмитаже. – Сумароков. – Расин и Буало. – «Клеопатра». – Суд Дмитревского. – Новая попытка в ложноклассическом роде: «Филомела» и новая неудача. – Дмитревский. Влияние его на Крылова. – Двор Екатерины. – Комедии Крылова. – Перемена службы. – Смерть матери. – Новые связи и знакомства. – Литераторы и вельможи. – Ссора с Княжниным и Соймоновым. – Мстительность. – Письма Крылова. – «Проказники».

«Старый Петербург» в 1782 году не был красив и грандиозен, как теперь, но все же не даром его называли «прекрасным». Не говоря уже о царственной Неве и каналах, город поражал глаз своею стройностью и свежестью новизны. Здесь было «окно в Европу», и даже сами враги всего, что не Русью пахло, смирялись пред этим новым величием. Правда, на Невском дворцы и каменные здания перемежались еще деревянными домиками и пустырями, но этот недостаток скрадывали огромные сады. Еще недавно Фонтанка была границей города и на ней вырубали леса, «дабы вора́м пристанища не было», а теперь здесь красовались дворцы, построенные Растрелли и другими знаменитыми архитекторами, тянулись сады вельмож и т. д. Границы города отодвинулись дальше; он рос как сказочный младенец «не по дням, а по часам». Уже высился во всем своем величии Зимний Дворец. Екатерина закончила его и основала Эрмитаж. Особое и драгоценнейшее достояние Петербурга представлял тот редкий по красоте и величию памятник его основателю, которым и теперь любимы мы и наши гости.

Мать Крылова поселилась с сыновьями в Измайловском полку. Хотя это было уже в черте города, но все напоминало здесь больше Тверь, чем столицу. И здесь на каждом окне можно было видеть горшок бальзамина, а огороды и домашняя птица составляли подспорье в хозяйстве обитателей. Одним годовым жалованьем сына в 25 рублей жить было нельзя, даже при баснословной дешевизне того времени. Первое время Крылова занимала новая обстановка. Но не город и не служба были главным предметом его внимания. Его влекла литература. Крылов понес свою «Кофейницу» к известному тогда в Петербурге типографу книжному торговцу и любителю музыки – Брейткопфу. Думал ли последний что-нибудь сделать из этой онеры, или хотел только поддержать смелого юношу, в котором заметил если не талант, то по крайней мере ум и уверенность, только он купил у Крылова «Кофейницу» за 60 рублей. Такой успех конечно возвысил Крылова в его собственных глазах и доставил ему уважение и почетное место в среде сослуживцев. Театр был в это время единственным источником, удовлетворявшим эстетическим потребностям, пробуждавшимся в обществе; но за то он имел таких горячих любителей, таких страстных поклонников, каких не знает уже наше время. Ничто так не сближало людей, как страсть к театру, к сцене. В канцеляриях чиновники в то время не были обременены работой и могли свободно вести разговоры, иногда даже горячие споры о достоинстве пьесы и артистов; каждый актер и актриса имели свою партию. Первыми знакомствами Крылов был обязан своему имени автора театральной пьесы. Знакомства завязывались не только в канцелярии, но и в театре. Вольного театра еще не существовало, но зато был не труден доступ в придворный театр в Эрмитаже.

«Екатерина хотела по два раза в неделю доставлять своим подданным счастье видеть ее и наслаждаться плодами ума, таланта и изящного вкуса». Места в ложах и партере назначены были по чинам, в райке же дозволялось быть зрителям всякого состояния. Здесь Крылов в первый раз увидел Дмитревского в «Семире» и Сандуновых в опере «Cosa rara» (Редкая вещь). Семира была венцом славы Сумарокова, который особенно в Петербурге «утвердил

вкус публики надолго». Это не могло не иметь влияния на развитие и направление таланта Крылова. Театр не только удовлетворял потребности в развлечении, но служил чуть ли не единственным источником и эстетического развития.

В райке театра знатоки и любители имели уже свои условленные места. Суждения и споры, начатые здесь, продолжались на другой день в канцеляриях. Крылов, хотя он уже в свои 15–16 лет не легко поддавался чужому влиянию, – не устоял против влияния театра и чтения.

Вместо денег за свою «Кофейницу» взял он у Брейткопфа книги, а именно Расина, Мольера и Буало. С этой минуты слава «русского Расина» – Сумарокова и лавры Княжнина не давали юноше спать. Но у Расина были талант и знание, у Сумарокова тоже была частица таланта, у Крылова же и других подражателей не было ни драматического таланта, ни образования, ни развитого вкуса. В монологах Сумарокова слышались идеи Вольтера и проводились понятия великого, блестящего и разнообразного XVIII века. У Крылова конечно не могло быть и тени чего-нибудь подобного. Темь не менее он принялся и написал «Клеопатру».

Кончив пьесу, понес он ее к знаменитому тогда актеру Дмитревскому. Последний жил на Гагаринской набережной, но Крылову вообразилось, что у Дмитревского, который принял его ласково и оставил пьесу у себя, не будет теперь никакого дела, кроме чтения его трагедии, и он из Измайловского полка стал ежедневно «наведываться о судьбе своего детища». Наконец Дмитревский принял его и стал читать трагедию с ним вместе. «Добродушно и охотно слушал умный, тактичный старик, разбирал содержание, делал свои замечания осторожно, но веско; хвалил, что было можно, поощряя к труду, но не пропустив без замечания ни одного явления, ни одного даже стиха, ясно показал, отчего действие незанимательно, явления скучны, язык разговоров не соответствует предметам, словом, что трагедия никуда не годится и легче написать новую, чем исправить старое». Крылов понял и уничтожил Клеопатру. Взамен ее написал он «Филомелу», взяв сюжетом мифологическое предание древней Греции. Мифология была тогда неизбежной приправой ко всякому знанию или, вернее сказать, ко всякому невежеству. Крылов успел с нею познакомиться по принятым руководствам, но наука сводилась к знанию лишь имен мифических существ и героев, без малейшего понятия о духе древнего мира. Это отразилось конечно и на «Филомеле».

«Я люблю только ужасное – таков мой вкус», говорит автор одной пьесы в романе «Жиль-Блаз»: «Я согласен с Аристотелем: надо возбуждать ужас». «Это один из тех трагических сюжетов, которые волнуют душу образами смерти. Ах, если бы я писал для театра! я никого бы не выставлял на сцену, кроме кровожадных принцев, кроме свирепых героев, я бы в моих трагедиях губил не только главных лиц, но даже стражу. Всех бы убивал до суфлера». Таков был общий вкус того времени, и Плавильщиков вызывал восторг образованной публики тем, что был похож на «рыкающего льва». «Филомела» дошла до нас. Герой ее, согласно характеру Крылова, очень добродушно рассуждает об ужасных страстях. «Я имя на себя злодея возлагаю», говорит Терей: «а став злодеем, я весь свет пренебрегаю».

Действующие лица – манекены в греческих тогах. «Все условия, необходимые по тогдашнему времени в трагедии соблюдены строго. В ней пять действий, Александрийские рифмованные стихи, возвышенный язык, т. е. смесь русского и церковнославянского, при героях – наперсники, превышающие их догадливостью в крайних случаях; страсти – благородные, свойственные лицам идеальным, злодеяния выступают за пределы человеческих, сил, словом все, чему полагалось непременно быть, кроме художественной истины и жизни, с ее красками страны и народности».

Три года спустя Крылов сам еще злее осмеял подобные пьесы и их авторов.

Дмитревский забраковал Филомелу. Но эта строгая оценка его произведений не оттолкнула умного юноши от опытного актера. Напротив, он видел в нем своего руководителя и

друга. Да, несмотря на разницу лет – Дмитревский был 32 годами старше Крылова – их отношения становились все теснее и перешли в дружбу. Конечно, это говорит в пользу ума и развития Крылова, но надо помнить также и необыкновенный такт Дмитревского. Притом образование и европейское просвещение не стерло с его характера национальных красок и не уничтожило в нем привычек чисто русского человека. Таким образом, в характере его и Крылова было много общего.

Но при блестящем дворе Екатерины, умевшей соединять простоту и величие, образовал он свой характер и манеры так, что больше походил на царедворца, чем на актера. Сам грозный Павел сказал ему раз, смеясь его находчивому ответу: «ну, ты известный куртизан матушкина двора». Крылов нашел у него таким образом школу не только для своего таланта, но и для характера и житейского воспитания, чего не могла ему дать ни домашняя среда, ни приказная. И он сумел воспользоваться этими уроками, хотя и не сразу. Крылов, мнением которого все дорожили, когда он успел развить в себе тонкий вкус и понимание, всегда или хвалил, или молчал, как бы со всем соглашаясь, или тонко улыбался, не давая заметить, кому не следовало, этой улыбки или предоставляя каждому толковать ее в свою пользу. Некто из писателей напечатал в предисловии к плохому, везде забракованному сочинению похвалы, слышанные им от Ив. Андр. «Вот вам конфетка за неосторожность вашу», сказал ему Гнедич, но Ив. Андр. продолжал следовать своей системе. Известный в молодости своим острым языком, шутками и эпиграммами, Крылов-баснописец ушел однажды вдруг среди одного литературного обеда под предлогом нездоровья. Приятель его, Лобанов, догадался, что причиной были эпиграммы против некоторых лиц. Ив. Андр. действительно сознался, что так. Хотя на него уже никто не мог подумать, но «все-таки лучше дальше от зла», говорил он. «Ведь могут подумать: он там был, стало быть делит их образ мыслей».

Так осторожен стал Крылов, умудренный долгим опытом, с трудом лишь в зрелом возрасте добившись покоя, который он так высоко ценил, который так нужен был в самом деле славному баснописцу для его мудрой творческой работы.

* * *

Вернемся к его первым шагам на литературном пути.

Он как бы очнулся теперь от долгого сна. Петербург с его европейскими зданиями, порядками и образом жизни заставил Крылова забыть на время вражду к иноземцам.

В самом деле, в Петербурге, не только сравнительно с Тверью, но даже с Москвой, жизнь была проще. Не так силен был контраст нелепой старины и не менее нелепых, ложных внешних подражаний. Контраст значительно сглаживался, особенно благодаря влиянию самой императрицы, соединявшей вокруг себя все лучшее, что только выражало собою образование и вкус, любезность и простоту. Вместе с тем привычки, развлечения, интересы и правила общежития столичного населения заимствовали свой свет от неё. Екатерина II действовала не только как царица, но и как женщина обаянием своего такта, ума и любезности. Очень возможно, что Крылову уже в первое время пребывания в Петербурге случилось видеть близко этот круг. Есть указания на то, что позднее, во время своей журнальной деятельности, он бывал на собраниях в Эрмитаже, но Лобанов говорит, что Бецкий читал и одобрил его первую басню, написанную на 14-м году. Даровитый юноша рано обратил на себя внимание и может быть тогда же, как интересный самородок, показан был императрице и двору.

Неудача «Филомелы» отклонила его от ложной дороги. Он вернулся снова к опере и комедии. Вместе с тем воротился он к осмеянию нелепых заимствований, страсти к модам и нарядам. Здесь, казалось, вступал он на свой истинный путь сатиры или по крайней мере карикатуры, но ему пришлось еще долго блуждать в искании пути. Он не был рожден писа-

телем-драматургом. Умный и наблюдательный, Крылов не способен был сливаться с другим лицом в одно целое и ни минуты не мог жить сердцем ни с кем из своих героев. В его трагедиях герои рассуждают в момент самых сильных увлечений, а действующие лица комедий подобны марионеткам. Совершенно другим является Крылов, когда он, извлекая отдельные черты, дает им живые образы, создавая таким образом типы более или менее карикатурные и в то же время живые, как сама действительность. Вслед за Филомелой в том же году явились две его комедии: «Бешеная семья» (комическая опера) и «Сочинитель в прихожей».

Театральную дирекцию заваливали пьесами. Многие любители пробовали писать с единственной целью добиться бесплатного постоянного билета в партер. Вход стоил медный рубль, и молодые люди нередко недоедали и недопивали, сберегая для театра последнее гроши.

Крылову как будто повезло для начала в этом роде. Директором русской труппы был в это время Павел Александрович Соймонов, генерал-майор, служивший в Кабинете Её Величества, человек умный, получивший образование в Московском университете. Он обратил внимание на Крылова, принял его оперу «Бешеная семья» и поручил придворному композитору Деви положить ее на музыку. Крылову был выдан постоянный билет в театр и заказан перевод оперы: «Инфанты» (*L'infante di Zamora*).

В Соймонове Крылов нашел в первый раз снисходительного покровителя и благодаря ему перешел на службу в Кабинет Её Величества под непосредственное начальство Соймонова. Для матери Крылова последнее было конечно гораздо радостнее, чем его литературный успех. Она скоро умерла и для неё в последний час её трудной жизни было утешением видеть сына на хорошей служебной дороге. Крылов горячо любил мать, и конечно её радость была для него приятнее чем самая удача, так как он службу скоро бросил и даже в более зрелом возрасте не дорожил ею. В Кабинете Её Величества чиновники также более занимались спорами «о троянской войне» и театре, чем бумагами. Крылов продолжал писать и переводить. Хотя его «Кофейнице» не удалось увидеть сцены, а «Бешеная семья» еще долго оставалась в забвении, тем не менее он имел уже литературное имя, отчасти благодаря этим вещам и переводам или переделкам, отчасти благодаря некоторым стихотворным мелочам, в особенности эпиграммам, которые тогда быстро распространялись. Насмешливый ум и острый язык, наконец самая внешность его обращали уже на себя внимание. Юноша 18, 19 лет, Крылов, говорят, был в это время худощав, но высокого роста, с большой головой и спутанными прядями волос, падавшими на открытый, умный лоб, выкупавши некрасивые, крупные черты его лица. Подсмеивался он над всем и над всеми, не исключая и самого себя. Страсть к карикатуре проникала его так, что он везде умел подметить какую-нибудь смешную, комическую черту. Из знакомств по службе в Казенной палате сохранил он близкие отношения с Радищевым и Перепечиным, известным любителем театра, угадавшим талант знаменитого потом актера Яковлева, когда последний был еще сидельцем в лавке гостиного двора. Теперь круг знакомств Крылова значительно расширился. Он стал бывать и в кругу литературном и у вельмож-меценатов. Среди последних были искренние любители литературы, но были и такие, что вешали портреты писателей на стенах, но с неособенным почтением относились к живым. Их осмеял впоследствии Крылов в своей сатире. Впрочем сознание собственного достоинства, сознание личности не было еще развито, и равенство отношений между бедным сочинителем и вельможей было немыслимо. Крылов сам впоследствии рассказывал анекдот о бедном сочинителе, повадившемся ходить к вельможе, у которого за обеденный стол садилось от 30 до 40 человек, «званных и незванных». Сочинитель садился на конце стола, и его часто обносили блюдами слуги. Однажды ему особенно не посчастливилось, он встал почти голодный. Случайно после стола вельможа проходил мимо него и ласково спросил: «доволен ли ты?» «Доволен, ваше сиятельство, отвечал он: все видно было». Кто знает, не был ли этот сочинитель-«инкогнито» сам Крылов. В молодости ему часто прихо-

дилось не доедать и, при его аппетите, это было очень возможно. Притом современник его, Вигель, познакомившийся с ним позже в имении князя Голицына, рисует его в этом отношении не слишком щепетильным. Он с удовольствием вспоминает о занятиях Крылова с ним и сыновьями Голицына русским языком, но сохранил неприязнь к Крылову за то, что последний указывал ему разницу в рождении его и сыновей князя, хотя в то же время другим детям указывал на преимущество общественного положения семьи самого Вигеля. Этому можно верить. Крылов был самолюбив, но таково было и его собственное воспитание в доме Львова, и понятия общества. Но если Крылов мирился таким образом с преимуществами «высших», то не мог позволить равным оскорблять его самолюбие. В подобных случаях он был мстителен и злопамятен. Вспышка мести повела его однажды далеко, при чем много помогла ему природная страсть к осмеянию и карикатуре.

* * *

Эпизод, в котором выказал он эту мстительность, ярко рисует его характер в молодости, его настойчивость и самоуверенность. В основании эпизода лежит отчасти недостаток воспитания, образования и развития вкуса молодого Крылова, но вместе с тем и нравы общества, положение писателя и чиновничества, даже в литературном кругу, между собратями по перу. Неряшливый и беспечный по природе, Крылов не особенно тяготился своим костюмом и всем тем, что обличало его скудные средства, но бедность все же делала его щекотливым в некоторых случаях. В одном доме встретился он с женой Княжнина, занимавшего тогда известное положение в обществе, как по своему таланту, так быть может еще больше по своим чинам, которыми жаловала его императрица. Жена его была женщина неглупая, но бестактная – довольно сказать, что она была дочь знаменитого бестактностью, не менее чем талантом, Сумарокова. Крылов в это время занимался переводами для театра. «Что вы получили», спросила у него эта барыня: «за ваши переводы?» – «Мне дали свободный вход в партер». – «Сколько же раз вы пользовались этим правом?» – «Да раз пять», отвечал Крылов. «Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей!»

Может быть насмешка относилась больше к дирекции и положению вещей вообще. Во всяком случае тому, кто обладал уверенностью в себе, в своей силе, незачем было придавать большое значение подобной выходке. Наконец Крылов мог отомстить шуткой или эпиграммой. Но общественное положение обидчицы, оскорбленное самолюбие человека, сознающего, что общество будет на стороне обидчика только потому, что тот силен чинами и богатством, вызвало злую и упорную месть Крылова. Он не ответил ничего на оскорбление, но тем хуже было для Княжнина и его супруги. Оба эти лица выставил он на сцену в комедии «Проказники», которая впрочем на театральные подмостки тоже попала не скоро. Княжнину дал он имя Рифмокрада, а жену его окрестил пикантным прозвищем Тараторы! Рифмокрад – бездарный стихотворец, воображающей себя великим писателем, потому что он сочиняет трагедии, бесцеремонно наполняя их заимствованиями. Он под башмаком у своей жены, которая впрочем очень высокого мнения о его таланте. Таратора – женщина уже не молодая, но еще желает прельщать своей красотой и т. д. В журнале «Почта Духов», где Крылов продолжал свое мщение, есть между прочим сказка, начинающаяся так:

Ко славе множество имеем мы путей:
Гомер хвалить себя умел весь свет заставить.
А Рифмокрад, чтобы верней себя прославить,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.